

УДК 93

Коренные малочисленные народы России в XX веке: к вопросу о явлении аккультурации

В.А. Кудашкин^а, Л.А. Шевченко^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а Kudashkinslava@rambler.ru, ^б smt@brstu.ru

Статья поступила 02.11.2019, принята 22.11.2019

В статье рассматривается введение и применение в мировой научной практике понятия аккультурации. Авторами статьи анализируется процесс аккультурации как результат национальной политики в отношении коренных малочисленных народов. Приводится механизм развития межкультурного взаимодействия между коренными малочисленными народами в системе социальных отношений в XX в. В качестве примера происходящих процессов утраты национальной идентичности и трансформации ценностных ориентиров малочисленных народов Севера приводятся данные о слабой коммуникативной и социальной востребованности родного языка вследствие аккультурации.

Ключевые слова: аккультурация; коренные малочисленные народы; национальная политика; утрата родного языка.

Indigenous peoples of Russia in the XX century: to the problem of the phenomenon of acculturation

V.A. Kudashkin^а, L.A. Shevchenko^б

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^а Kudashkinslava@rambler.ru, ^б smt@brstu.ru

Received 02.11.2019, accepted 22.11.2019

The article discusses the introduction and application of the concept of acculturation in world scientific practice. The authors analyze the process of acculturation as a result of national policies regarding indigenous peoples. The mechanism of the development of intercultural interaction between indigenous peoples in the system of social relations in the XX century is given. As an example of the ongoing processes of the loss of national identity and the transformation of the value orientations of the indigenous peoples of the North, data on the weak communicative and social relevance of the native language due to acculturation are given.

Keywords: acculturation; indigenous peoples; national policy; loss of native language.

Российская Федерация — многонациональное государство, на территории которого компактно проживает 45 этносов коренных малочисленных народов (КМН) общей численностью более 280 тыс. чел. Основу данной категории населения составляют коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В 2000 г. статус КМН был закреплен федеральным законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [1].

В течение XX в., в период индустриального освоения новых территорий, традиционная культура автохтонов Севера, Сибири и Дальнего Востока оказалась наиболее подвержена многочисленным издержкам национальной политики государства. Одной из причин данной ситуации

можно считать происходившие процессы аккультурации.

В данном исследовании авторы, опираясь на архивные и экспедиционные материалы, опубликованные источники, пытаются проанализировать процесс аккультурации КМН во второй половине XX в. Анализ законодательной базы позволяет рассмотреть государственные программы, осуществляемые в рамках национальной политики.

Аккультурация — это процесс взаимовлияния культур при непосредственном и длительном контакте их носителей как на групповом, так и на индивидуальном уровне. В течение XX в. термин применялся для обозначения одностороннего процесса уподобления одной культуры другой (У.Х. Хоумз, Ф. Боас) или передачи отдельных элементов одной культуры другой

(У.Дж. Маги). В американской антропологии в 1920–30-х гг. (М. Мид, Р. Лоуи, М. Херскович, Р. Линтон и др.) проблематика аккультурации разрабатывалась, в основном, в связи с изучением влияния доминирующей культуры на коренное население Америки [2].

Процесс аккультурации описывается некоторыми учеными как «прием» или «отторжение» элементов донорской культуры. Отмечается, что принимающая культура производит отбор элементов донорской культуры, адаптируя и изменяя или отторгая ее [3].

Во второй половине XX в. эмпирические результаты исследований американской школы аккультурации были использованы этнографами. Аккультурацию стали рассматривать как начальный процесс ассимиляции. В 60–80-е гг. XX в. аккультурация стала интересна этнографам и антропологам как исходный процесс, следующий из культурного контакта. В качестве ее особенностей выделяли сохранение подобий традиционных культурных черт в процессе приобретения новых. Этим аккультурация отличалась от так называемой культурной ассимиляции, где исходная культура полностью вытеснялась заимствованной (С.А. Арутюнов, В.И. Козлов).

В настоящее время теоретические основы аккультурации применяются в кросскультурной психологии. В научном пространстве при трансформации знания сам термин перестал употребляться, заменяясь понятиями «культурное взаимодействие», «культурная гибридизация», «поликультурализм» и др. [4].

Аккультурация в нашем понимании — это процесс, который претерпевает индивид в ответ на изменение культурного контекста, являясь единственной формой культурного изменения, происходящего в результате контакта с другими культурами [5]. То есть, процесс аккультурации реализуется в индивидуальном и культурно-групповом направлениях. В этой связи считаем необходимым дать толкование терминов «микро- и макрокультура».

Микрокультура — это культура, принадлежащая конкретному народу (например, микрокультура якутов, эвенков, грузин или какой-либо локальной микроцивилизации, на основе которой эта микроцивилизация выросла).

Макрокультура — это культура, присущая какой-либо макроцивилизации, на основе которой эта макроцивилизация сформировалась (например, европейская или азиатская макрокультура).

Постоянный контакт этносов в процессе межкультурного взаимодействия микрокультуры и макрокультуры может привести к культурным изменениям первой. Процесс аккультурации связывает этнические группы, влияя на изменения в

них. Эти изменения могут быть различными по качеству и продолжительности. Как правило, верх одерживает доминирующая социальная группа. Изучив основные тенденции и обобщив понимание этой группы, большинство исследователей изучает не доминирующую этнокультурную группу.

В XX в. национальная политика советского государства была направлена на построение социалистического общества с формированием в нем одной народности — советской. Разрабатывая федеральное законодательство и программы поддержки КМН, государство не могло учесть все факторы влияния на сохранность этнокультурной идентичности. Культурная идентичность коренных народов подверглась изменению. В нашем исследовании будут подведены некоторые итоги процесса аккультурации как основного результата национальной политики в отношении коренных малочисленных народов советского периода российского государства.

Рассматривая итоги процесса аккультурации, невозможно не назвать основной итог — деформацию культуры как системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [6]. В течение XX в. материальная и духовная культура коренных малочисленных народов претерпела изменения.

Освоение потенциальных промышленных районов и территорий советским государством выступает в данном исследовании основной причиной появления модели деформации этнических культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XX в. Масштабные стройки второй половины XX в. оказали решающее влияние не только на дальнейший потенциал экономики государства, но и на человеческие судьбы [7].

Таким образом, изменение этнической культуры происходило в условиях экономических процессов, регулируемых государством, с вовлечением того или иного этноса в систему социально ориентированных отношений. Система экономических отношений и регулируемая государством национальная политика регламентировали социально-экономическое развитие регионов, в которых компактно проживали коренные малочисленные народы. При этом, согласно постановлениям правительства, данные территории получали разные бюджетные дотации.

Рассматривая этническую деформацию как основную причину процесса аккультурации, необходимо упомянуть ее главные признаки: утрата

родного языка, изменение ведения традиционного хозяйства, смена культурной принадлежности.

Утрата родного языка является ярким примером явления аккультурации. Процесс перехода на оседлый образ жизни как один из элементов национальной политики в отношении КМН позволил в 30-е гг. XX в. изменить жизнь и традиционный уклад тофаларов, проживающих в Иркутской области. Кеты, нганасаны, эвены, эвенки, долганы, занимающие территории Красноярского края, благодаря его большой территории ощутили влияние проводимой политики оседлости лишь в послевоенное время.

Подрастающие поколения детей автохтонов стали осваивать социальные образовательные учреждения – интернаты. Институт интерната как особого центра образования стал для КМН стартом в новую действительность советского общества. Общеобразовательные программы порой оказывались сложнее процесса освоения быта в тундре, поэтому для ликвидации безграмотности дети начальной и средней школы зачастую обучались совместно [8].

Использование родного языка в таких условиях было в значительной степени ограничено. Дети коренных малочисленных народов не могли разговаривать между собой на привычном языке, так как в интернате они активно изучали русский язык и программу общеобразовательной школы. Находясь далеко от родителей, они не только утрачивали знание родного языка, но и забывали принципы традиционного ведения хозяйства.

В середине 1960-х гг. в школы-интернаты стали приезжать педагоги по системе распределения кадров. В конце 1970-х гг. педагогические работники уже на 48 % состояли из представителей КМН [9]. Работая по типовым образовательным программам и обращая внимание на основные школьные предметы, они мало внимания уделяли преподаванию на национальном языке и ведению факультативов, ориентированных на изучение, сохранение и применение полученных знаний в культурно-бытовой деятельности [10].

Поэтому сохранение традиционной культуры стало невозможным без сохранения родного языка. К сожалению, с конца 1980-х гг. наблюдается обратная тенденция: с каждым годом среди малочисленных народов российского Севера снижалось количество носителей этнических языков. Так, согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., только 52,5 % представителей малочисленных народностей Севера считали родным язык своей национальности [11].

В 1990-е и 2000-е гг. тенденция к снижению уровня владения этническим языком среди представителей малочисленных народов Севера продолжилась. Согласно данным Всероссийской пере-

писи населения 2010 г., всего 22,7 % представителей КМН владели языком своей национальности [12].

Несмотря на то, что число носителей языков коренных малочисленных народов в изучаемый период значительно сократилось, следует отметить положительное влияние национальной интеллигенции на сохранение и развитие этнических языков. Ею был проделан большой объем работы, направленной на сохранения языков своих национальностей. В частности, в результате социальной активности национальной интеллигенции была создана нганасанская и долганская письменность, получили дальнейшее развитие энецкий, ненецкий и эвенкийский языки. Данная деятельность является одним из факторов, вселяющих надежду на сохранение языков коренных малочисленных народов в будущем.

В своем диссертационном исследовании В.М. Куриков отмечает, что государство пыталось привить коренным малочисленным народам несвойственные им формы хозяйствования и образа жизни. Подобная деятельность государства привела к частичной деградации этносов, хотя формально подчеркивалась потребность в сохранении их самобытности [13].

В принимаемых органами федеральной власти официальных документах провозглашался курс на свободное развитие всех национальных языков. В законе «О языках народов СССР», принятом в 1990 г., подчеркивалось, что советское государство обеспечивает всем гражданам страны условия для использования языков народов СССР, заботится об их возрождении, сохранении и развитии [14].

Между тем, необходимо признать, что экономический фактор не только находится в тесной связи, но и в значительной мере формирует признаки этноса в целом и каждого индивида в частности. На фоне оптимистичных лозунгов эпохи перестройки зримо проступали реалии разваливающейся страны. Господство командно-административной системы, длительное пренебрежение нуждами и запросами людей косвенно сказались и на изучении языков коренных малочисленных народов.

Вместе с тем, в 1990-е и 2000-е гг. во многих регионах усилиями национальной интеллигенции был организован процесс обучения школьников из малочисленных народов Севера языкам своих национальностей. Представителями интеллигенции было подготовлено большое количество учебных пособий для преподавания родных языков школьникам начальной и средней школы. Кроме того, сохранению языков коренных малочисленных народов способствовала публикация произведений, подготовленных представителями национальной интеллигенции на языках своей национальности.

Таким образом, утрата родного языка представителями коренных малочисленных народов чаще всего усиливала явление аккультурации. В результате у индивида происходил процесс социокультурной переориентации с утратой навыков традиционной этнической культуры. Попытки

приобщения к иным культурным ценностям не имели ожидаемого успеха. Язык, культура, традиции по инерции сохранялись в течение определенного периода времени, но, утрачивая свое прагматичное назначение, приобретали необязательный и ритуальный характер.

Литература

1. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант: информ.-правовой портал.
2. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38. № 1. P. 323.
3. Соколовская Л.В. Аккультурация коренных народов крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока // *Вестн. Моск. гос. обл. гуманитар. ин-та. Сер. История, философия, политология, право*. 2014. Т. 1 (1). С. 20-24.
4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] URL. <https://bigenc.ru/ethnology/text/1806856> (дата обращения: 10.10.2019).
5. Коренные малочисленные народы севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края) Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / отв. ред. Н.П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 248.
6. Стёпин В.С., Ионин Л.Г. Подготовка электронной публикации и общая редакция [Электронный ресурс]. М.: Центр гуманитар. технологий // Гуманитарный портал. URL. <https://gtmarket.ru/concepts/6859> (дата обращения: 22.08.2019).
7. Дондоков З.Б.-Д., Борисов Г.О. Хозяйственное освоение зоны БАМа: проблемы и перспективы комплексного развития севера Байкальского региона // *Региональная экономика: теория и практика*, 2015. Т. 13. Вып. 48. С. 15-25.
8. Отчеты Эвенкийского автономного округа за 1976 г. // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 28. Оп. 6. Д. 24. Л. 17.
9. Отчеты Эвенкийского автономного округа за 1976 г. // ГАКК. Ф. 28. Оп. 6. Д. 6. Л. 22.
10. Кудашкин В.А. Сохранение языковой памяти у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2013. № 4 (14). С. 58-60.
11. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
12. Кудашкин В.А. Изменения духовной культуры у малочисленных народов Севера и Сибири в XX веке // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2011. № 2 (4). С. 79-82.
13. Куриков В.М. Стратегия сохранения и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1999.